

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов,
спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы
спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ЭХО СЕВЕРНЫХ СКАЛ

Спецназ Берии

Александр Тамоников

Эхо северных скал

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Эхо северных скал / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2022 — (Спецназ Берии)

ISBN 978-5-04-177729-6

Фашисты планируют создать в советском Заполярье свои секретные морские базы. В случае удачи их субмарины станут серьезной угрозой нашему тылу. Группе майора Максима Шелестова поручено обследовать побережье и изучить имеющиеся сведения о возможном появлении там немцев. Максим выясняет, что фашисты действительно высаживались в указанном районе и даже успели составить подробную карту удобных бухт и фарватеров. Известно, что с ее помощью они в ближайшее время намереваются проникнуть на одну из советских баз и захватить топливо для своей лодки. Майор решает встретить «гостей» смертоносным сюрпризом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177729-6

© Тамоников А. А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Эхо северных скал

© Тамоников А.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

**ЭХО
СЕВЕРНЫХ
СКАЛ**

Москва
2023

Глава 1

Солнце, бесконечно долго висевшее над самым горизонтом, наконец стало подниматься. Старый Ясавэй улыбнулся солнцу, как доброму другу, и откинул на спину капюшон. Свежий морской ветерок стал трепать его седые волосы. Руки еще были сильны, глаза зорки, а ноги неутомимы. Ясавэй был одним из самых удачливых охотников, не зря его имя означало – знаток местности. Солнце не успеет подняться, как охотник доберется до острова Долгуш. Там лежбище тюленей, или зайцев¹, как называют этих животных местные.

Хорошая добыча. Старик привычно греб, размышляя о жизни, о природе, об охоте. Тюлень – это ремни. У лахтака толстая кожа, с крупного самца, если снимать кожу полосой в два пальца по спирали, можно получить ремень длиной в десять метров. А еще мясо и жир. Жир помогает женщинам выделять хорошую, прочную замшу. Два внука, незаменимые помощники Ясавэя, уже уехали с побережья, увозя на нартах четыре разделанных туши. Завтра они вернутся на берег и будут ждать деда с новой добычей. А добыча будет, хорошая добыча. Охотник знает, как подобраться к лежбищу тюленей, не спугнув животных. Нужно встать ближе к воде, чтобы испуганные тюлени бросились к воде и как можно дольше были на прицеле Ясавэя. Тогда он сможет сделать четыре или пять выстрелов.

Охотник причалил к берегу там, где было мало больших камней. Надежно привязав лодку, он вытащил на берег все свое имущество – воду, запас еды. Спички, трубку и кисет с табаком положил сверху. Курить нельзя, с собой брать нельзя. Зайцы сразу почувствуют запах табака и дыма и бросятся в воду. Они знают, что от человека может исходить такой запах, а человек для них враг. И пройти по берегу до лежбища придется километра два или три. «Ничего, – подумал старик, – вернусь с добычей, сяду на берегу, буду отдыхать, курить трубку, смотреть на солнце и благодарить его за свет и тепло. И море буду благодарить за добычу, и буду разговаривать с душами убитых животных, благодарить их, что не дают умереть от голода «настоящим людям»². Все живет и все умирает, чтобы жить дальше. Все просто в этом мире, спокойно и размеренно». Так думал старый охотник, так же думали его предки, веками жившие в этих местах. Потому и жили в мире с природой и друг с другом.

Тревога внутри появилась сразу. Ясавэй сначала почувствовал тревогу, почувствовал близость чужаков и только потом уловил запах чужого тела, запах металла и одежды других людей, запах чужого, незнакомого табака. Охотник обернулся. Трое незнакомцев в странной одежде и с оружием смотрели на него. Они появились из-за камней, лежавших на берегу метрах в тридцати от него, и теперь смотрели холодно, пристально. И то, что у двоих висело на груди на ремнях, было оружием. Это старик понял сразу. Короткое ружье без приклада с длинной железной рукоятью снизу. Зачем такое оружие, как из него можно прицелиться и попасть в добычу с большого расстояния? «Неумное оружие, – подумал охотник и тут же отогнал от себя эти мысли. – Не о том надо думать, когда встречаешь в тундре или в море другого человека. Надо спросить, не нужна ли помощь, не попал ли человек в беду?» Но эти трое не выглядели попавшими в беду.

И тогда охотник медленно снял с плеча свой карабин и осторожно положил на тук с вещами. Взяв кисет и трубку, он показал их незнакомцам.

– Курить хочешь, человек? – спросил Ясавэй. – Есть табак. Говорить будем!

Незнакомцы чему-то рассмеялись, переговариваясь, и старик подивился странному языку этих людей, которого ни разу в жизни не слышал. Резкий, какой-то лающий! «Люди-псы, – подумал он, но снова постарался прогнать плохие мысли о незнакомцах. – Надо думать

¹ Морской заяц, или лахтак. Поморы и местные охотники называют его просто «заяц», а обычных зайцев зовут «ушканы».

² Ненец, или ненэй, ненэч – буквально переводится как «настоящий человек».

хорошо!» Это была последняя мысль старика. Дальше он успел только удивиться, когда один из чужаков направил на него свое оружие, и оно выстрелило короткой очередью с сухим треском. Пули ударили старику в грудь, и его ноги подкосились. Незнакомец в морской фуражке с белым верхом подошел к охотнику и толкнул тело ногой.

– Wirf es ins wasser³, – приказал он.

Мотор самолета гудел ровно и даже как-то убаюкивающе. Буторин смотрел на товарищей, как те сонно моргали глазами, пытаясь бороться со сном. Когда ты двое суток не спал, когда ты замерз как собака под дождем и на ветру на продуваемом аэродромном поле, когда ты застыл в ледяном фюзеляже транспортника, в котором практически отсутствовали теплоизоляция и отопление, то самое приятное, это достать из баулов специально выданное теплое белье и куртки. И когда группа наконец оделась по-северному, когда оперативники согрелись и стала пропадать мысль о вожаках «наркомовских ста граммах», глаза у всех стали слипаться. Лететь было еще часа три, и Шелестов велел всем спать час. Виктор нахмурился, глядя на северные скалы, проплывающие под крылом «дугласа». Сразу вспомнились скалы Норвегии, полярная ночь и взрыв, который похоронил под обвалом замечательную храбрую девушку, норвежскую партизанку по имени Мэрит. Нет, нельзя сейчас давать волю эмоциям, подумал Буторин, и отогнал воспоминания. Он прикрыл глаза и вдруг сразу провалился в глубокий сон.

А вот Шелестову не спалось. Он сидел, откинувшись на неудобную дюралевую спинку пассажирского кресла, и думал о предстоящей операции. Охват территории очень большой. Фактически группе предстоит искать иголку в стоге сена. Проводить армейскую поисковую операцию, снимать с боевых дежурств силы Северного флота или военную авиацию глупо, потому что они нужны на фронте, а доказательства того, что немецкие подлодки забираются в северные воды, лишь косвенные. Да, действовать в советских полярных водах гитлеровские субмарины активно не могут, потому что нет для этого технических возможностей. Им нужны базы для ремонта и дозаправки. Но если они создадут такие тайные замаскированные базы, тогда подлодки смогут атаковать конвои союзников и после прохода ими Норвегии и даже в Белом море. И ничто не сможет немцам помешать атаковать даже порты, в том числе и Архангельский. И уж точно не сможет безопасно действовать Северный морской путь.

«Нет, я прав, – думал Максим, – я правильно решил. Нельзя распылять наши и без того мизерные силы, как предлагал Берия, нельзя бросать каждого члена группы одного на большие территории. Мы будем двигаться от Архангельска на восток группой, но охватывать и проверять большие районы. Тогда в критической ситуации, в случае опасности, мы сможем собраться вместе, я смогу помочь каждому, когда все будут в пределах хотя бы однодневной доступности. Транспорт нужен: самолет, вездеход, олени упряжки. Хотя самолет для поиска бесполезен – ни черта с него не увидишь среди скал. Самолет годится нам как транспортное средство только для высадки, но и это огромная помощь.

Тысячи километров полярных берегов. Кажется, что работа бессмысленная и пустая. Но так считать может лишь наивный человек. Да, четверым эта работа не под силу. Но искать надо не столько самим, сколько собирать у населения сведения. Десятки и сотни людей что-то видели, слышали, находили какие-то следы. Не самим эти следы надо искать, а опрашивать рыбаков, оленеводов, охотников, летчиков. А вот когда появятся конкретные сведения, тогда следует и осматривать местность в нужном месте. Нет, я прав, что настоял на своей стратегии поиска, – с удовлетворением подумал Шелестов. – Не думал, что Лаврентия Павловича удастся убедить. Недооценивал я Берия».

³ Бросьте его в воду (нем.).

Заместитель начальника окружного управления НКВД внешне чем-то напоминал бывшего наркома Ягоду. Такой же щуплый, невысокий, с быстрыми глазами и влажным ртом, который он постоянно облизывал. Было в нем что-то гаденькое, вызывающее брезгливость. Но приходилось стараться на это не обращать внимания. Самого начальника не было – его срочно вызвали в Москву. Да и по оценке Платова майор Бирюков был работником толковым, расторопным.

– Вам должны были сообщить о прибытии нашей группы, Аркадий Сергеевич. – Шелестов уселся в предложенное кресло напротив стола майора.

– Так точно, сообщили, – поспешно отозвался Бирюков. – И меры мы принимать уже начали. Я отдал приказание разослать телефонограммы и радиogramмы уполномоченным на места. Как только появятся сведения о немцах, мне сразу сообщат.

– Важно, чтобы сообщали не только о немцах, не только об увиденных подводных лодках, – напомнил Шелестов. – Все сведения о непонятных происшествиях, о пропавших людях, о чужаках, о странных следах на побережье материка, на островах. Пусть ваши сотрудники больше общаются с коренным населением: с оленеводами, охотниками, рыбаками. Ненцы могут и не понять, что это враг, они понятия не имеют о подводных лодках, но у них острый глаз, и они могут заметить такие следы, мимо которых мы с вами пройдем мимо. Вы понимаете меня, Аркадий Сергеевич?

– Да-да, – с готовностью закивал Бирюков и стал что-то записывать на листке бумаги. – Следы! И о следах сразу же сообщать мне сюда. А я, стало быть, сразу же вам сообщу.

– Разумеется, – сдерживая раздражение, согласился Шелестов. – Мы будем поддерживать связь с вашим Управлением. А вы не просто сообщайте нам, а ориентируйте ваших сотрудников на проверки всех странных фактов, всех подозрительных случаях и следах. Пусть сразу выезжают и проверяют на месте, опрашивают людей. Сколько ваших оперативников могут быть задействованы одновременно на территории от Архангельска до Новой Земли?

– В настоящий момент, – тоном рапортующего об успехах сотрудника начал говорить майор, – мы довели приказ до двадцати оперативников, находящихся на местах. До конца месяца нам удастся оповестить еще около двадцати человек, а к концу лета...

– Очень на вас надеюсь, Аркадий Сергеевич.

Шелестов поднялся, не дождавшись окончания бодрого рапорта Бирюкова. Разговаривать с этим человеком было больше не о чем. Максим надеялся, что с возвращением из Москвы начальника Управления работа будет налажена, и сведения действительно будут поступать, и розыск пойдет своим чередом, как положено. Наверняка Платов проинструктирует начальника окружного управления лично.

«Видимо, рассчитывать все же придется только на себя, на свои силы, – подумал Шелестов, выходя из здания Управления. – Кто-то не в состоянии помочь, кто-то просто не сумеет, а кто-то будет делать вид, что помогает, что прикладывает усилия. Так ведь спокойнее, когда делаешь вид, что работаешь». Но Максим обязан был попытаться привлечь к заданию всех, кто хоть как-то мог помочь, у кого были силы и средства для этого. Увы, приказ из Москвы не всегда решал все и так, как надо.

О том, что на берегу пропал ненецкий охотник, Сосновский узнал возле продовольственного магазина. Здесь пылилась совхозная полуторка, чей-то мотоцикл с коляской и несколько оленьих упряжек.

– Море забрало, большая вода, – пояснил старик-ненец. – Тундра берет, тайга берет, море берет. Оно нам дает и взамен берет. Так всегда жил наш народ.

Но Михаила такое объяснение не удовлетворило. Он подсел к старому оленеводу, достал пачку хорошего трубочного табака. Старик степенно кивнул, выбил трубку и стал набивать ее табаком, который предложил незнакомец. Сосновский знал туземные обычаи и, чтобы

не тянуть в рот трубку старика, который ею его обязательно угостит и из которой он должен сделать несколько затяжек, достал другую и тоже набил табаком. Так они и сидели на нартах. Чтобы расспросить ненца о том происшествии, требовалось много времени. Михаил плотнее запахнул ватную фуфайку, поднял воротник и, усевшись удобнее, окунулся в долгий ритуал общения.

Они выкурили по две трубки, прежде чем стало ясно, что охотник добывал тюленей и что отправился на остров, где было их лежбище. Но назад он не вернулся, хотя внуки с упряжками его ждали на берегу весь день и еще один день. Лодка? Что представляют собой утлые лодчонки ненцев, Михаил уже знал. Деревянный гнутый каркас, обтянутый тюленьей шкурой. Сильное волнение, острый камень под днищем. Да и разъяренный самец может накинуться и опрокинуть лодку в море. Охотники, конечно, народ опытный, но бывает всякое.

До стойбища было недалеко, всего каких-то километров двести. По масштабам заполярной тундры – это почти рядом. Пара сильных оленей бежала спокойно по ровной, как стол, тундре. Только далеко на северо-востоке в дымке поднимались какие-то горы или скалы. Хотя это могла быть и именно дымка, своего рода мираж. Оленевод затянул бесконечную дорожную песню. Про такие песни говорят, «что вижу, о том и пою». Сосновский задремал, лежа на нартах. Потом он почувствовал, что замерзает. Как его научили ненцы, он соскочил с нарт и побежал следом. Через несколько минут ему стало жарко, и он снова упал боком на нарты рядом с оленеводом. Тот одобрительно заулыбался. Дольше бежать нельзя – вспотеешь. Потный, ты замерзнешь еще быстрее и заболеешь. Русским нельзя в тундре болеть, умереть можно. Ненцы не болеют, они знают, как лечить и чем. Русскому лечение не поможет, а жителям тундры помогает. «Сказки, – думал Сосновский, слушая рассуждения оленевода. – Еще как умирают и в их среде. Только они это относят на счет воли духов, которые сами знают, когда и кого забрать».

Мальчишек было четверо. И, как смог определить Сосновский, все они в возрасте от восьми до двенадцати лет. И в таком возрасте они вполне самостоятельные помощники в своей семье и в стойбище. Их отпускают, зная, что дети справятся и с оленями, и с любой проблемой, которая может возникнуть в тундре вдали от дома, от взрослых. Рано здесь взрослеют, рано.

– Здесь мы ждали Ясавэя, – показал мальчик грязным пальцем на мелкий щебень, который слегка перекаtywала морская волна. – Лодку толкнули, и он поплыл к острову. А мы поехали в стойбище отвозить мясо. На следующий день пришли и ждали его два дня. Он не вернулся.

– А взрослые на остров не пошли? – удивился Сосновский. – А вдруг с Ясавэем там беда случилась, вдруг ему помощь нужна? Он же старый, вдруг с сердцем плохо.

– Ясавэй сильный охотник, он никогда не устает и никогда не болеет, – с гордостью заявил другой мальчишка. – Он нас учит. Он наш учитель.

– Как будто учитель не может заболеть, – проворчал Михаил и повернулся к взрослым ненцам. – Лодка нужна! На остров надо идти, вашего старика искать!

Ответ Сосновского тоже удивил. Точнее, не сам ответ, а именно реакция. Ненцы переглянулись, будто не поняли этого настырного русского. Один из них, с короткой трубкой во рту, подошел к берегу, посмотрел на воду и тихо спросил:

– Зачем идти? Если Ясавэй утонул, умер там, на острове, то охота плохая. Нельзя зверя бить в том месте, где человек умер. Ясавэя вода забрала, иди не надо, нельзя противиться духам. Они сами знают, когда и кого забрать. Шаман у костра с духами разговаривал. Духи сказали, что в воде Ясавэй. Нет его на земле. Зачем идти?

– Вот что, друг, – Сосновский посмотрел в узкие добродушные глаза ненца и положил ему руку на плечо. – Я с вашими духами спорить не буду и не хочу, чтобы и вы с ними поссорились. Но мой шаман мне сказал, что Ясавэя убили нехорошие люди. Может, он и в воде, может, его

тело бросили в воду, но мне нужно обязательно понять, кто и как убил вашего охотника. Ясавэя не вернешь, но мы с тобой должны сделать так, чтобы никто из нехороших людей больше не убивал охотников и оленеводов. Надо найти, поймать нехороших людей. Тогда в тундре и в море снова будет не опасно. Понимаешь меня?

– Ты будешь стрелять в нехороших людей? – Ненец потрогал автомат «ППС», висевший на плече у русского.

– И ты будешь! – заверил его Михаил. – Это же нехорошие люди!

– В человека стрелять нельзя, – нравоучительно заметил ненец. – Песец можно, тюлень можно, а человек нельзя.

– Черт, нельзя, значит, не будешь, – начал злиться Сосновский. – Мне следы надо найти, мне надо, чтобы ты мне помог разобраться в следах. Понимаешь меня, охотник?

Михаил боялся, что лодку ему придется ждать несколько дней. Однако охотники вопрос решили довольно быстро. Не прошло и трех часов, как на берегу появились ненецкие нарты «хасава хан». В воздухе над рогами оленей замелькали длинные шесты – хорей. Улыбающиеся оленеводы сняли и поставили на траву две легкие лодки из тюленьих шкур. Выяснив, кто из ненцев хорошо знает пролив между островом и материком и сам бывал на Долгуше, Сосновский стал торопить своих новых друзей с отплытием.

Море было спокойным, а ненцы гребли умело и споро. Сосновский стоял на коленях во второй лодке и внимательно смотрел вокруг. Всплытие подводной лодки трудно не заметить, но если она всплыла только на перископную глубину, то можно и пройти мимо в нескольких сотнях метров от нее. Но Михаил не ждал появления немецкой субмарины. Его беспокоило то, что фашисты могут оказаться на острове, а две лодки сейчас очень уязвимы и беззащитны. «Может, я зря ринулся с этой проверкой? – подумал Сосновский. – Может, надо было ребят подождать и под серьезной охраной с солдатами обследовать остров? Нет, – снова успокоил он себя. – Так мы будем несколько лет здесь копошиться, если на каждый чих будем собирать войсковую операцию». Поправив на голове ушанку, он снова стал внимательно смотреть по сторонам и особенно на приближающийся каменистый остров, над которым кружили стаи северных чаек.

– Там пристать нужно, – показал ненец рукой в сторону берега, где было мало валунов, обломков скальной породы.

Вода тихо набегала на мелкое каменное крошево и откатывалась назад, Сосновский привстал в лодке и осмотрелся. Охотник снова замахал рукой, показывая куда-то вперед, и пояснил:

– Там лежище, на другой стороне. Туда плыть нельзя, зайцев распугаем, уйдут с острова. Человека зверь не любит. Много приходит человек – зверь уходит. Надо по суше идти напрямик. Сверху смотреть на лежище надо.

Сосновский прыгнул на берег, когда лодка легко ткнулась носом в каменистую россыпь. Он осмотрелся по сторонам и нахмурился. Да, на таких камнях следы найти практически невозможно. Даже туземным следопытам такое, пожалуй, не под силу. Даже если лодка пропавшего охотника здесь приставала, то определить место, где именно, невозможно.

Ненцы стояли у своих лодок и смотрели на русского, как тот расхаживал по берегу и смотрел себе под ноги. Михаил посмотрел на них и махнул рукой.

– Привяжите лодки и осматривайте берег. Ищите все, что могло бы подсказать, что здесь был человек. Любые следы!

Охотники быстро вытащили легкие суденышки на берег подальше от линии прибойя и разошлись в разные стороны, рассматривая под ногами камни. Сосновский посматривал на своих помощников с надеждой. Хотелось скорее услышать призывный клич и увидеть обрадованное лицо охотника. Не верилось, чтобы опытный старик, еще крепкий и здоровый, так нелепо погиб в море. А ведь шторма не было, и сильного ветра за эти дни не было. Да

и не пошел бы он на остров перед надвигающимся штормом или при усилении ветра. Местные хорошо знают все погодные приметы. Но что можно найти на камнях? Это не рыхлая земля, даже не трава или кустарник... И тут один из охотников присел на корточки и что-то поднял. Он покрутил в руках что-то мелкое и позвал:

– Михаил, иди сюда!

Сосновский подбежал и присел рядом. Охотник держал в руке что-то кривое, похожее на коготь. Он не сразу узнал оберег, который носили на поясе многие охотники. Ненец показал на свой пояс, на котором рядом с ножом висели несколько медвежьих когтей.

– Давно обронить мог, – пояснил ненец. – Любой охотник. И вчера, и весной в прошлом году мог. Старый коготь, не понять.

– А это что? – Сосновский показал на темное пятно на камнях.

Он поднял камешек побольше и поднес к лицу. Темное пятно, которое могло быть и кровью. Ненец взял камешек из руки Михаила и стал рассматривать. Даже понюхал, но потом с сомнением покачал головой.

– Может, кровь, может, не кровь. Может, человека, может, зверя, может, птицы.

Сосновский поднялся и осмотрелся. А если кровь? Почему такое маленькое пятнышко? Палец порезал? Михаил оценивающе посмотрел на повседневную одежду ненцев – малицы. Длинные куртки мехом внутрь с пришитыми рукавицами и капюшонами. Меховые штаны, на ногах меховые сапоги – пимы. А ведь кровь впитается в мех, она с трудом найдет себе дорогу наружу, если, скажем, ударить человека в такой одежде ножом. Или если в него попадет пуля. Кровь в основном останется под одеждой, впитается в нее. Что ж, вполне приемлемая гипотеза. Но тогда еще кто-то должен был здесь быть. Тот, кто ударил ножом или... выстрелил! Откуда? Вон оттуда, с низкой гряды. Правее и левее острые скалы, там не пройти. А вглубь острова как раз по этой гряде можно пройти.

Сосновский, стараясь не спешить, двинулся вверх по склону. Камешки осыпались под его ногами, сползая вниз по склону. Ни о каких следах в таких условиях мечтать не приходилось. Но Сосновский упорно шел вверх, внимательно глядя под ноги и по сторонам. Еще несколько шагов, и он взобрался на большой камень с плоской вершиной. Отсюда хорошо был виден берег и две лодки. Вправо и влево уходили скалы, где к берегу было пристать невозможно. А сзади каменистое плато вело в середину острова, наверное, можно пересечь остров и выйти на другую сторону, в том числе и к лежбищу тюленей. Подумалось, что если кто-то с другого берега пришел бы сюда, то как раз на этом большом камне он и остановился бы, чтобы осмотреть берег. И сразу увидел бы одинокого ненца с лодкой – так подсказывала Сосновскому интуиция. И тут же мысли вернулись к пятну на камнях, похожему на засохшую кровь, и оберегу в виде медвежьего когтя, который мог потерять ненецкий охотник.

Сосновский снова стал осматривать камни под ногами, и тут что-то блеснуло среди мелкого камня на осыпи. Там ниже! Так это же гильза... Не спуская глаз с находки, Михаил стал осторожно спускаться по осыпи. Вот снова покатались камешки, поехала небольшая масса грунта, и гильза скрылась из глаз, но он уже заметил точно то место, где она находилась. Присев на корточки, Сосновский стал осторожно разгребать камешки. Здесь, где-то здесь она должна быть. Не показалось же мне...

Снова тускло блеснул металл. Вот она, гильза от 9-мм патрона «парабеллум». И особенно не потемнела. Она здесь не с прошлого года лежит, она свежая, всего несколько дней назад оказалась в этом месте. Сосновский поднес гильзу к носу и понюхал. Еле уловимый запах сгоревшего пороха. Ну, вот вам и разгадка! Сосновский поднял голову и посмотрел на подошедших ненцев. Охотники увидели в пальцах русского гильзу от незнакомого патрона, но сразу поняли, что это гильза от огнестрельного оружия.

– Мне кажется, что Ясавэя убили нехорошие люди, – сказал Сосновский. – И я ищу этих людей. Они стреляли в него отсюда. И они приплыли на большой лодке. Надо найти место, где к берегу приставала большая лодка плохих людей.

Охотники стали о чем-то совещаться, сокрушенно качая головами, то и дело показывая руками в разные стороны. Сосновский надеялся, что у ненцев разногласия идут не в вопросах, где могла причалить фашистская субмарина. Он долго ждал, когда охотники придут к единому мнению. Затем один из них поднялся к Михаилу.

– Пойдем искать следы плохих людей. Если они убили Ясавэя, то могут прийти в наши стойбища. А там тэ, у каждого охотника там мя⁴, там женщины и дети. Мы найдем следы плохих людей, ты их убьешь, и они не придут в тундру.

– Логично, – проворчал Сосновский. – Они, значит, показывать будут, а я все остальное делать! Как там древняя латинская поговорка гласит? Орел не ловит мух? Ну, орлы, ничего не скажешь.

Остров был большой, и Михаил боялся, что придется пройти километров двадцать. Но охотники хорошо знали эти места и провели русского самой короткой дорогой до небольшой и, видимо, глубокой бухты. Путь занял всего минут тридцать, и когда Сосновский остановился на высоком берегу, то решил, что подводная лодка вполне могла сюда войти. Неизвестно пока, какие глубины у берега, но у левого высокого берега, где сплошные скалы резко обрываются к воде, вполне можно было встать на якорь. Там лодку и с воздуха не сразу заметишь, если не будешь ее специально искать. А до берега фашисты могли добраться и на резиновой лодке.

– Никого нет, – обвел рукой горизонт Сосновский, чтобы успокоить встревоженных охотников. – Надо обойти весь берег и найти следы людей, которые высаживались с большой лодки. Давайте начнем отсюда, с полого берега, и пойдем вон в ту сторону, к скалам.

Охотники разошлись, и Сосновский тоже принялся за поиски. Вряд ли он со своими навыками составил бы ненцам конкуренцию, и вряд ли его помощь была бы существенной, но стоять или сидеть без дела Михаил просто не мог. Да и беспокоило его то, что фашисты могли появиться в любой момент. Ведь зачем-то они сюда приходили один раз. Могут прийти и второй.

Двое ненцев сидели на коленях метрах в десяти от воды и что-то обсуждали, показывая на камни. Сосновский подошел к ним и увидел среди не очень крупных камней углубление. В песке или мелком щебне от него не осталось бы и следа, а здесь вот осталось.

– Кол забивали, – пояснил ненец. – Железный. Лодку привязывали. Большую лодку не привяжешь. Маленькую лодку привязывали.

«Так и есть, – подумал Михаил, с благодарностью похлопав охотника по плечу, – субмарина находилась в бухте, а кто-то из экипажа высаживался на берег в резиновой лодке. Здесь ее и закрепили, чтобы не унесло в море». К нему подошел еще один охотник, что-то бережно неся на ладони. Это были два окурка сигарет. Не мундштуки советских папирос, не огарки «самокруток», а именно окурки от сигареты. «Ну, вот и первый след, – с удовлетворением решил Сосновский. – Надо срочно сообщить Шелестову».

Максим просто физически чувствовал, что Иван Папанин – это непробиваемая броня, это скала, которую ни преодолеть, ни обойти. Даже разговаривал Папанин с Шелестовым так, будто перед ним был рядовой матрос с какой-то баржи или студент-океанолог, который «христареди» просит взять его в полярную экспедицию. Еще бы: дважды Герой Советского Союза, орденоси́нец, известный полярный исследователь, герой гражданской войны, а теперь еще контр-адмирал! И даже звание Шелестова в системе НКВД для Папанина не играло роли, как и сам наркомат. В молодости в Крыму был он и комендантом «чрезвычайки», и членом

⁴ Олень по-ненецки «ты», во множественном числе «тэ». «Мя» по-ненецки чум, жилище.

Реввоенсовета, и наркомом был. Только Шелестов прекрасно знал, что все посты этот человек заслужил не столько своими организаторскими способностями, сколько умением перешагивать через людей. А в критической ситуации это немало, это очень ценно, а порой и единственно важно. Да и доктором географических наук он стал не в результате научных достижений, а как раз в виде благодарности за организацию полярных исследований.

– Вы отдадите себе отчет, товарищ Шелестов, – величественно вещал Папанин, – в том, что в такую трудную минуту для страны каждый снятый с Севморпути самолет, каждое судно – это удар по обороноспособности страны, удар по снабжению, это гибель советских людей, которые ежедневно, не щадя себя, отдают все делу победы над ненавистным врагом. И в такую минуту вы обращаетесь ко мне с подобными просьбами?

– Я обращаюсь к вам за помощью, Иван Дмитриевич, – сдерживая гнев, напомнил Максим, – потому что это была рекомендация наркома Берии.

– А, Берии! – Папанин вознес руки над головой. – И вы что ждете, что я вам в ноги кинусь? Ваш Берия...

Папанин вовремя опомнился и не стал использовать эпитеты. Шелестов понял, что хотел сказать этот человек, возмнивший себя всемогущим, обласканным властью и защищенным со всех сторон. Он полагал, что неуязвим, но страх перед именем всемогущего Берии и здравый смысл все же взяли верх над горячностью и самомнением Папанина. И заслуженный полярник, росчерком чьего пера было искалечено немало судеб, снова пустился в идеологическую риторику, весь смысл которой сводился к двум словам: «не дам».

Напрасно Шелестов пытался убедить Папанина в том, что подводные германские лодки, если им удастся обосноваться в полярных водах СССР, могут натворить много бед, в том числе и для Севморпути в целом, и сорвать массу перевозок по Белому морю. А ведь Папанин был еще и уполномоченным Государственного Комитета Обороны по перевозкам на Белом море.

– Ну что? – спросил Коган, когда Шелестов подошел к нему в парке.

– Есть люди, с которыми разговаривать бесполезно, – зло проговорил Шелестов. – Им надо или приказывать, или смещать их с должности к чертовой матери!

– Ясно, самолетов он нам не даст и воздушного поиска не предвидится.

– Догадливый, – невесело усмехнулся Максим. – Просто ясновидящий. Папанин пользуется покровительством лично Сталина, и связываться с ним никто не будет. Никто не захочет рисковать. Ладно, все равно решает не один человек, есть еще и люди на местах, которые могут помочь. Тем более что приказ нам надо выполнять вне зависимости от того, поможет нам Папанин или нет.

– Нам нужно составить карту всех возможных мест или наиболее вероятных мест, где немцы могут попытаться устроить свои базы, – заговорил Буторин. – И методично отрабатывать эти места. Для этого нужны какие-то критерии оценки.

– Ну, они в принципе есть, – кивнул Шелестов. – Это должна быть бухта, в которую поместится не одна, а как минимум две или три субмарины. Скрытность по условиям рельефа. Ну и удаленность от караванных путей, мест охоты и рыболовства местного населения. Так что направление поиска есть. Беда лишь в том, что все эти места, которые нам нужно осмотреть и проверить, находятся на удалении от обжитых мест, туда без транспорта не попасть.

Обустройство аэродрома на Севере, в полярной тундре – дело сложное, требующее особого подхода. Тут не только инженерная мысль важна, нужно хорошее знание природы, геофизики местных ландшафтов. Ровное место, покрытое чахлой травой и мхом, может быть ловушкой для самолета, когда он при посадке зароется передней стойкой шасси в болотную жижу или просто на его пути встретится участок, где грунтовые воды неожиданно поднялись очень высоко. И фактически под дерном не сухая земля и камни, а грязевая жижа.

Аэродромы здесь делают на каменистых участках, которые можно выровнять. Или использовать бетонные плиты, стальные щиты. Но с учетом удаленности дороговизна таких взлетных полос становится неподъемной. И тогда решающее слово остается за учеными, знающими местную природу. Они подскажут участки, которые не подтопляются, участки, где под колесами самолета окажутся плотные каменистые грунты. Не всегда можно забетонировать полосу. Если почва подвижная и часто подтапливается, то бетон будет проседать, крошиться, трескаться. И снова недалеко до аварии. Поэтому аэродромов в Заполярье мало, находятся они на большом удалении друг от друга. Еще на прибрежных участках и в устьях больших рек выручают гидросамолеты. Зимой легче, зимой самолет можно поставить на лыжи.

Коган с тремя летчиками сидел в курилке под небольшим шатровым навесом. На аэродроме Колыван ремонтировали полосу, и с самого утра все полеты были прекращены. А на краю возле дощатых пакгаузов скопился груз для дальних поселений, магазинов, для метеостанций. Не поднимались в воздух и самолеты ледовой разведки. Летом очень коварны отдельные льдины, которые могут приблизиться к берегам, неожиданно появиться на пути северного каравана. Иногда к берегам прибывает много льда, и на трассе Севморпути образуются ледовые поля. Увидеть это нужно как можно раньше, чтобы изменить курс, обойти опасные участки или направить туда ледокол.

– Смотреть умеют все, а вот видеть... – плечистый немолодой летчик Никифор Митрофанов в распахнутом реглане покачал головой и снова затянулся папиросой. – Тут ведь глаз надо иметь наметанный, чтобы он цеплялся за все, что не соответствует природному ландшафту. Мы вот, когда корабли во льдах ищем или упавший самолет, как смотрим... Не на все ледяное поле в целом, на тундру или тайгу, а на мелочи, зацепки, которые в глаза не бросаются обычному человеку, а нам бросаются. Промоина в центре ледового поля! Откуда она там появилась? Не может ее там быть. Или сломано несколько верхушек елей. А почему они сломались? Ветром может поломать, еловое дерево хрупкое. Может от тяжести снега, если его зимой было много, но тогда зелень пожухлая должна быть. То-то и оно!

– А со скалами, наверное, еще сложнее? – спросил Коган.

– Иногда да, а иногда и нет, – засмеялся молодой летчик с редкими, еще юношескими усами пшеничного цвета, назвавшийся Семеном Берзиным. – Там важно, чтобы глаз за геометрию зацепился. Ведь что такое скалы? Хаотическое нагромождение камней. А что такое лодка или корабль? Рукотворный объект правильных геометрических очертаний. Как глаз во время полета настроишь, так и увидишь. Будешь произвольно пропускать голые скалы, а за что-то неподходящее и правильное глаз сам зацепится. Нас так учили.

– А подводную лодку сложно сверху увидеть? Когда она всплыла, это понятно, а вот когда она идет с перископом или стоит на перископной глубине?

– На чистой воде можно, если точно над ней пройти. Но чаще всего нет, – покачал головой плечистый летчик. – Бурун от перископа виден, когда волнения нет и лодка идет. А так хрен заметишь!

– Значит, наблюдение с воздуха мало что дает? – подвел итог беседы Коган.

– Как это – мало чего? – взвились все летчики разом. – Да мы и не такое находили. Надо просто знать, что ищешь, сконцентрироваться на этом объекте. Или хотя бы несколько заходов надо сделать. Авиация – великое дело в деле по части поиска!

– Ну, ясно, – засмеялся Коган, поняв, что ему все же удалось зацепить профессиональную гордость авиаторов. – Верю вам, сталинские соколы. Говорят, что нет летчиков лучше тех, кто послужил в северной авиации, самые лучшие – это летчики-полярники. Ну а видеть сверху подводную лодку вам доводилось?

– Я видел, – неожиданно ответил Петя Буданов – шуплый веснушчатый паренек в сдвинутом на затылок летном шлеме.

– Когда, где? – Коган насторожился. Он отметил, что удивлены были и товарищи молодого пилота.

– Примерно месяца полтора назад. Я с Колгуева шел на материк, и меня ветром стало сносить на северо-восток. Верховой ветер был, я попробовал спуститься ниже тысячи метров, надеялся, что там скорость ветра ниже, как передавала синоптическая станция, и направление юго-восточное. Море и правда было спокойнее, но с барашками. Лодка была на поверхности, только рубка над водой видна. Я ее сразу заметил, как только высоту сменил. А когда подошел, она пошла на погружение.

– Опознавательные знаки, бортовой номер заметили?

– Нет, сначала далеко было, а потом она уже под воду ушла. Не увидел.

– А вы докладывали своему начальству?

– О лодке? – Петя удивленно посмотрел на Когана. – Нет, а зачем? Такой установки не было. Лодка и лодка! Мало ли кто у нас в море выходит. Я же не на поиске был.

«Вот так, – подумал Коган, удовлетворенно потирая руки. – Значит, ходят они сюда. От самолетов прячутся. Своей лодке в том районе делать абсолютно нечего. Ладно, возьмем на заметочку это место. Теперь договориться с командиром авиагруппы, чтобы забросил нас в нужный район, а потом забрал. Да и сверху посмотреть бы не мешало на скалы и бухты».

Глава 2

Нарты скрылись за прибрежным холмом. Буторин поправил ляжки вещевого мешка за спиной и кивнул Сосновскому.

– Ну, чего стоишь? Пошли, а то нам топать и топать с тобой. Оленеводы подумают, что нас «тундра забрала», если вовремя не придем, развернутся и уедут.

– Успеем, – отмахнулся Михаил, с улыбкой глядя на небо над океаном. Он небрежно закинул ремень автомата на плечо. – Ты посмотри, как это красиво, Виктор! Бескрайняя даль неба, бескрайний ледяной океан, бескрайняя тундра и два человека, затерявшиеся среди безмолвия. Мы с тобой даже не песчинки в пустыне, мы молекулы в бескрайней Вселенной, мы с тобой часть материи, часть мироздания.

– Романтик, – беззлобно усмехнулся Буторин. – Пошли, нам пора искать другую молекулу или часть мироздания в виде немецкой подводной лодки. Возвращайся из своих возвышенных сфер на землю и настраивайся на возможную встречу с врагом.

– Романтикам всегда жилось тяжело, – притворно вздохнул Сосновский. – Их тяготит присутствие прагматиков.

– Потерпишь, – ухмыльнулся Буторин и пошел вперед к берегу моря.

Они шли уже около двух часов, то взбираясь на скалы у берега, то двигаясь по мелкому мокрому камню, чтобы быстрее добраться до следующей бухты. Береговая линия в этом районе была очень изрезана. Из воды то поднимались острыми драконьими зубами скалы, то берег становился пологим, как на южных пляжах. Только что щебень под ногами покрупнее да вода похолоднее. Следующая бухта даже на первый взгляд оказалась подходящей для секретной базы подводных лодок. И когда оперативники спустились к берегу и стали осматриваться, то поняли, что удобство было лишь видимым. Почти все дно бухты было скалистым и мелким. Тут даже на резиновой лодке с мотором ходить было опасно, не то что заводить сюда субмарину.

Они миновали еще две бухты и остановились на берегу в третьей. Извилистая глубокая бухта вряд ли подходила для создания базы. Спрятаться тут лодка могла, и края скал высокие, прикрывают с боков и от волн.

– Гиблое дело, – махнул рукой Сосновский, снимая шапку и вытирая лоб рукавом ватной фуфайки. – Найти в этих скалах пешком место стоянки субмарины? Жизни не хватит!

– Не ной, Миша, – спокойно ответил Буторин. – Мы с тобой обследуем наиболее вероятные места высадки. С воздуха Коган осматривает, Шелестов с населением беседует в тех районах, где больше диких скал и изрезанных бухтами берегов. Найдем, куда мы денемся!

– Что ты меня агитируешь! – нахмурился Сосновский и, усевшись на камень, стал стягивать сапог. – А то я без тебя не понимаю. Я возмущаюсь только потому, что такие задачи ставить надо не группе из четырех человек, а Северному флоту, у которого имеются и силы, и средства, и ресурсы.

– Флот должен воевать, Миша, – спокойно возразил Буторин.

– Воевать? – Сосновский даже замер от возмущения, держа в руках мокрую портянку. – А мы что, ерундой тут занимаемся, мы в тылу отсиживаемся? Так если мы задачу не выполним лишь по причине того, что нас всего четверо, тогда что будет? Кому будет легче? Тому же флоту достанется по первое число проблем и неприятностей. И потеря, кстати, когда субмарины станут под самым носом пиратствовать и в Белом море, и на караванных путях Севморпути. Решать проблему надо сразу и кардинально, а не так, на всякий случай. А ладно! Что тут говорить. Им всегда там наверху виднее!

И Сосновский начал ожесточенно перематывать портянку и натягивать сапог. Буторин смотрел на него, пряча улыбку. В этом был весь Миша Сосновский. Опытный разведчик, хотя в группе самый молодой. Он успел послужить в разведке под прикрытием дипломатиче-

ского паспорта в Германии. Еще перед войной. И «закваска у него такая вот основательная – любая операция должна быть предварительно хорошо подготовлена, иначе будет не операция, а сплошной провал и потери людей, самого ценного ресурса разведки. И своих сотрудников и агентов. Хотя и у них бывало всякое.

– Ну что, готов? – спросил Буторин, видя, как Сосновский поднимается с камня и с удовлетворением притопывает ногами, проверяя, насколько он удобно накрутил портянки.

– Готов, пошли, – отозвался Михаил и тут же замер, так и не накинув на плечо ремень автомата. – Ну-ка, Витя, подожди! А это что там такое?

– Что? – сразу же насторожился Буторин и стал смотреть в ту же сторону, что и Сосновский.

Что так заинтересовало Михаила, Буторин не понял, но он полностью доверял напарнику. Подойдя к Сосновскому, он встал рядом с ним. Проследив взглядом за рукой, которая указывала на ровное место среди скал в сотне метров от берега, он увидел небольшую горку из сложенных камней и над ней крест. Простой грубый крест из двух ржавых железок, скрепленных между собой проволокой. Оперативники молча двинулись вниз, продолжая оглядываться по сторонам.

Тундра цвела и зеленела. На северных склонах скалистых холмов местами виднелись пятна снежников, которые так и не успели растаять до лета. Да и не успеют уже. Целые поля разноцветных цветов раскинулись дальше на юг, лишь изредка среди этих диких цветников пробивались каменные зубья да россыпи камней помельче. Обойдя несколько больших ям с водой, оперативники спустились по камням ниже и остановились, глядя на могилу. Это, безусловно, была могила.

– Думаешь, что рыбаки кого-то похоронили? – с сомнением спросил Сосновский.

– Рыбаки отвезли бы покойника к себе в поселок, – возразил Буторин. – Им бы родные умершего не простили, если бы покойника в тундре оставили. Хотя, возможно, они похоронили неизвестного утопленника...

– А крест неправославный, – сказал Сосновский. – И где они в тундре нашли эти трубы дурацкие?

– И я об этом думаю. Уж больно эти трубы похожи на части внутреннего магистрального трубопровода на судне. Изношенного и замененного новым. Говоришь, неправославный крест? Значит, напрашивается вывод, что это лютеранский крест?

– Да, католический, – согласился Михаил. – Что он здесь делает? Одно объяснение в голову приходит: здесь похоронен немецкий моряк. С одной из подводных лодок. Мне кажется, что этой могиле всего несколько недель, а может, пара месяцев.

– Слушай, Миша, ты вот в Германии несколько лет проработал. Ты мне можешь объяснить, почему у них обычный крест, а у нас в православии с двумя перекладинами, да еще и с нижней перекладиной перекошенной? Что за тайна за семью печатями?

– Нет тут никакой тайны. – Сосновский пожал плечами. – По легенде, Иисуса распяли на обычном кресте – четырехконечном. Но потом внизу прибили еще одну. В тот день вместе с Христом распяли еще двух человек – двух преступников. И перед казнью один из них поверил в бога и раскаялся, второй – нет. Когда Иисус умер на кресте, прибитая под его ногами планка перекосилась, указав первому преступнику путь в рай, а второму – в ад. Поэтому четырехконечный католический крест символизирует распятие, муки, которые Иисус добровольно принял за людей. А православный восьмиконечный крест символизирует еще и прощение, которое человек может получить, даже находясь на пороге смерти.

– М-да, красиво! – кивнул Буторин и отошел в сторону от могилы. – А ты понимаешь, что нам придется возвращаться и эксгумировать тело? Надо точно знать, кто здесь похоронен. Подожди-ка! А это что?

Сосновский подошел к напарнику и присел рядом с ним на корточки. Среди мелких камней виделись следы кострища. И тоже относительно свежие. Костер тут разводили уже этим летом. Пепел в основном развеяло ветром, только частички его остались между камнями. Да еще обгоревшие деревяшки непонятного происхождения. Явно не просто костер разводили, потому что среди мусора, обгоревших кусков какого-то тряпья, каких-то деревяшек из щелей между камнями удалось выковырять обгоревшие остатки обычного карандаша и две скрепки.

Сосновский держал на ладони почерневшие скрепки и улыбался, торжествующе глядя на напарника.

– Ты понял, Витя? Это скрепки. Ими скрепляются листы документа, может быть, удостоверения личности, может быть, какого-то другого документа. Но это скрепки, и говорят они нам о том, что не ненца-оленевода тут похоронили и не рыбака. Это моряк, а одежду его сожгли. А в кармане мог остаться какой-то документ. А все эти древесные остатки – материал для костра. Тут же в тундре ничего нет, что может гореть. Дерево для костра может быть только с корабля, с лодки, с подводной лодки, Витя! Скрепки в согнутом состоянии, их вручную не разгибали.

– Ну вот, – облегченно вздохнул Буторин и опустил на камни. – А ты говорил, что безнадежны наши поиски! Уф, сколько мы с тобой протопали сегодня, но вот видишь, натопали результат. Думается мне, что лодка не собиралась возвращаться на базу, поэтому своего умершего они и похоронили здесь. Значит, задание у них какое-то. Или наблюдать, или искать, или изучать. Хотя все это одно – искать место под базу... Ложись!

Когда Буторин крикнул это, Сосновский уже увидел опасность и сам. Оленья упряжка была почти не видна из-за скал. Только роскошные рога сильного оленя виднелись над камнями. А вот человек в ненецкой малице стоял между камнями, прижав к плечу приклад оружия, и целился в оперативников. Прежде чем упасть и откатиться в сторону, Сосновский успел понять, что в руках незнакомца «ППШ». Знакомый треск автоматной очереди разорвал вековую тишину тундры.

Ругаясь «на чем свет стоит», Буторин пополз влево, обходя могилу и посматривая то по сторонам, то на Сосновского. Если этот туземец один, то лучше разделить и обойти его с двух сторон. Если, конечно, это туземец. И если он действительно один. Если оперативников атаковала группа, то, конечно, лучше держаться вместе, занимая круговую оборону. Но сколько нападавших на самом деле, оставалось только догадываться. Сосновский махнул рукой напарнику, чтобы тот продолжал обходить противника, а сам улегся между камнями и, откинув приклад своего «ППС», стал наблюдать.

Видимо, незнакомец видел только одного Сосновского в полный рост, когда решил убить его. Зачем убивать – этот вопрос пока второстепенный, а вот один ли он и каковы его намерения; если он все же один, вопрос важный. Намерения стали понятны, когда Михаил увидел голову среди камней. Этот человек осторожно приближался, видимо, чтобы удостовериться, что убил человека возле могилы. На какой-то миг Сосновский увидел повернутое к нему лицо и сразу понял, что это не ненец, несмотря на национальную повседневную одежду народов Севера. Каким образом тот заметил, что Михаил жив, непонятно. Но он почти мгновенно оценил ситуацию, дал короткую точную очередь и снова скрылся за камнями. Пули ударили в камни возле самой головы Сосновского, и тот поспешно отполз за камни, меняя позицию.

Голова, несмотря на адреналин, работала четко и спокойно. Надо заставлять его перемещаться, выдавать себя и стрелять. Тогда Буторин его засечет, подберется к нему с другой стороны и возьмет его. Интересно будет узнать, что это за тип и чего ему здесь нужно. Наметив себе следующую позицию, Сосновский вскочил и бросился в сторону, пытаясь разглядеть противника между камнями. Он успел это сделать в последнюю секунду, не целясь, выпустил очередь из автомата и тут же рухнул на траву. «Не попал, – с огорчением подумал Михаил. – А может, и хорошо. Он нам для информации нужен целенький и невредимый. Тащи его потом,

раненого, на себе столько верст! Хотя у него оленья упряжка, она нам может пригодиться». Оленей ненцы учат не бояться резких звуков и выстрелов. Других просто не используют с нартами.

Незнакомец не стрелял. Это удивило Михаила. Он был убежден, что не попал в него, стреляя практически наугад. Бывают, конечно, чудеса, не зря говорят, что пуля дура. Мог случайно и попасть. Сосновский прополз еще метров десять, порвав на колене штаны. Магазин в автомате лучше сменить. В этом осталось всего два-три патрона. Отсоединив магазин, он бросил его рядом на камне и достал из подсумка на ремне полный. И тут шелест камня под чьей-то ногой привлек его внимание. Звук исходил справа, совсем не с той стороны, откуда Михаил ждал своего противника.

Вставить магазин и передернуть затвор было делом одной секунды. Сосновский повернулся на бок и нацелил свое оружие туда, откуда раздался подозрительный шорох. Он даже успел прикинуть, что стрелять придется по ногам, потому что времени на рукопашную схватку у него не будет. Враг появится сразу, готовый стрелять на поражение. «Глупо я его проворонил», – подумал Сосновский со злостью. Но это была не самая большая беда. Боковым зрением он заметил движение, но быстро повернуться в противоположную сторону он уже не смог. Противник обманул его, видимо, бросив горсть камней в сторону от себя. И теперь он подобрался с другой стороны. Внутри у Михаила все похолодело от ощущения неизбежного. Он поворачивался с автоматом навстречу опасности, за доли секунды поняв интуитивно, что не успеет выстрелить первым.

Длинная очередь прорезала воздух, отдавшись эхом среди скал. Темноволосый мужчина в ненецкой одежде, готовившийся убить Сосновского, рухнул на бок, и его автомат покатился по камням. Михаил с шумом выдохнул и вытер потный лоб рукавом. Откуда-то снизу Буторин сказал с недовольством:

– Ты чего подставляешься, Миша? А если бы я не успел?

– Перехитрил он меня, – ответил Сосновский, поднимаясь и подходя к убитому незнакомцу. – Еще бы секунда – и мне конец.

– Ну, вот на этот случай есть я, – ткнул Сосновского кулаком в плечо Буторин. – Чтобы успевать, спасти вас всех да на себе тащить. Ты лучше скажи, что нам теперь с трупом делать? От него ответов не получишь, а вопросов у нас много. Там, кажется, оленья упряжка была за скалой...

Сосновский повернулся, посмотреть в ту сторону, где из-за камней недавно виднелись рога оленя. И тут же зло сплюнул. Вдаль уносились нарты, запряженные двумя оленями, понукаемыми человеком, одетым как ненцы. Буторин тоже проводил взглядом упряжку и проворчал:

– Ну, гордиться нам с тобой сегодня нечем. Бездарно профукали мы с тобой ситуацию, Миша. Как объясняться будем с Шелестовым, я не знаю. Такой подарок судьбы в виде двух языков – и на тебе. Тут труп, а там только пятки засверкали.

– Ну, ты знаешь, я с таким человеком еще не встречался, – вздохнул Сосновский. – Это уникум какой-то. Мастерски он меня обвел вокруг пальца. Ладно, чего теперь рассуждать, давай обыскивать. На ненца он не похож. Что сказать о втором, я не знаю, но этот типичный европеец.

Ничего обнаружить в карманах убитого не удалось. Собственно, и карманов-то на ненецкой одежде не имелось. Зато под ненецкой малицей, к огромному удивлению оперативников, обнаружилось нательное белье советского производства. Это было странным фактом. И Сосновский, и Буторин хорошо знали, что ненцы, как и другие народы Севера, никакого белья не носили, а одежда из кож и шкур надевалась у них на голое тело. Только тогда создавалась прослойка теплого воздуха, и только в этом случае в такого рода одежде человек не потел. Нижнее белье, надетое под меха, заставляло потеть, и человек в итоге начинал мерзнуть.

– То, что бельё отечественное, ничего не доказывает, – заметил Сосновский. – Ношеное, стираное. Он может быть и немцем, и финном, и норвежцем. Он мог специально носить бельё советского производства, чтобы выдавать себя за советского гражданина. А вот тот факт, что, прекрасно зная обычаи и жизнь народов Заполярья, он все же надел их национальную одежду на бельё, говорит о том, что это ненадолго. Он его намеревался вскоре снять. Не все время он его носит. Вот так-то. Значит, во время этой поездки ему надо было маскироваться под местных. Зачем? Зачем он сюда приехал, почему без разговоров напал на нас?

– Может, из-за могилы приехал? – предположил Буторин. – Немцы похоронили своего моряка на берегу, доложили начальнику, и тот устроил выволочку. Приказал срочно убрать следы захоронения. Вот и прибыл человек. Он понял, что мы видели могилу, и решил заставить нас замолчать навеки. Я так себе это представляю. Так, прихлебай из местных, которого завербовали в начале войны или перед самой войной.

– Нет, Витя, – покачал головой Сосновский, показывая на наполовину раздетый труп. Посмотри вот сюда, на внутреннюю часть его руки у подмышки. Видишь?

– Что это? Татуировка?

– Это не просто татуировка, здесь набита группа крови этого человека. Знаешь, где так делают? В эсэсовских частях. Они очень заботятся о своих элитных солдатах. Человек может быть без памяти, а группу крови определить надо, чтобы спасти ему жизнь. А это место, по статистике телесных повреждений во время боев, самое менее повреждаемое. Вот так вот, Виктор Алексеевич. Перед нами эсэсовец. Видимо, из егерей, с хорошей подготовкой. И какого черта ему тут надо было?

– Ну-ка, иди сюда! – Буторин резко поднялся и, подойдя к могиле, принялся сбрасывать камни. – Помогай!

Оперативники, обдирая пальцы, стали разбирать могильный холм. Через несколько минут показались старые доски, потом прорезиненный брезент. Теперь Буторин и Сосновский стали действовать осторожнее. Сняв доски, они с изумлением увидели, что никакой ямы и тела в ней нет. Что-то прямоугольное и совсем небольшое лежало, тщательно завернутое в брезент. Осторожно развернув его, они обнаружили радиостанцию «телефункен», несколько банок немецких и советских консервов, ракетницу. Буторин опустил на камень и посмотрел на Сосновского.

– Ты понял, Миша, что это и кого мы тут шлепнули?

– Что тут понимать. Агент, который хорошо знает русский язык, вел наблюдение в арктической зоне и подавал сигналы своим. Скорее всего, командиру подводной лодки. Второго, вероятно человека из местных, мы упустили. Вопрос в другом: что нам с этим добром делать?

– Шуму мы наделали много, и второй ушел, – задумчиво произнес Виктор. – Он теперь знает, что сюда соваться нельзя потому, что тайник раскрыт. Вопрос, как он доложит о случившемся начальству, ведь рация здесь? Или невыход на связь у них означает провал?

– Я думаю, что другого выхода у нас нет, кроме как находку снова завалить камнями и сделать вид, что мы ничего не нашли, – предложил Сосновский. – В идеале бы хорошо и тело здесь бросить, но это невозможно. Те, кто придет проверить и понять, что здесь произошло, сразу решат, что мы с ними играем. Все должно быть правдоподобно.

Береговые поселки рыбаков-поморов были своего рода центрами своеобразной цивилизации Заполярья. Все здесь было по-особенному, все не так, как привык видеть, понимать человек из большого города. Сюда приезжали за свежей рыбой закупщики, сюда приезжали оленеводы прикупить товара в артельном магазине. Как правило, в магазинчике продавали все самое необходимое, без чего людям в этих суровых краях не выжить: спички, соль, керосин, обувь, ткани, муку, консервы, нитки, иголки, порох, дробь, картонные гильзы для охотничьих ружей, топоры, гвозди. Всего и не перечислить.

Этот поселок на берегу Печорской губы был третьим на пути Шелестова, где он успел побеседовать и с рыбаками, и с оленеводами. Ничего конкретного он узнать не смог, но зато укрепился в мысли, что немецкие моряки бывали, даже этим летом, в советских арктических водах. Каждый человек, которого он расспрашивал и который видел что-то непонятное, не мог и предположить, что это было связано с фашистской подводной лодкой, с вражескими моряками. А Шелестов записывал в свой распухший блокнот сведения о пропавших без вести рыбаках, охотниках, о виденных спинах «большой рыбы» или «большого тюленя». Кто-то из рыбаков читал или слышал о китах и говорил, что видел кита, хотя киты в полярных водах не встречаются, это Шелестов тоже выяснил у биологов. Но единственный «холодноводный» кит – гренландский в Охотское море почти не заходит, он обитает в Гренландском море и севернее Новой Земли в районе Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа. Мог быть и кит, но вряд ли. Но вот о чужаках, чужих людях он слышал нередко. Ненцы видели их следы, находили убитых пулями и освежеванных оленей. Но самое ценное было в том, что дважды он слышал об украденных у оленеводов «женских» нартах – «мюдхан», как их называют оленеводы. Это более прочные нарты, приспособленные именно для перевозки груза.

– Осторожнее, дядя, – вдруг раздался рядом резкий детский голосок.

Шелестов повернулся и понял, что наступил на ногу девочке-подростку в грубой брезентовой одежде. Не по росту, чиненой и штопаной, но очень опрятной. Смотрела девочка серьезно, очень по-взрослому. Максим невольно улыбнулся и посторонился, пропуская девочку.

– Извини, я нечаянно, – сказал он. – Привык, что в тундре и на берегу малоллюдно, а здесь просто столпотворение какое-то у вас.

– Смешно говорите, – без улыбки ответила девочка. – Столботворение. Что это столбы могут вытворять?

– Не столб, а столп, – поправил Шелестов. – Столпы – так в древности назывались башни. А ты не знаешь древнюю легенду, откуда на земле взялось множество языков и почему не все люди говорят на одном языке?

– А что, все люди говорят на разных языках? – неподдельно изумилась девочка. – Я книжки читала про разные страны, про приключения. И про Францию, и про Америку. Там все говорят, как мы. Ну, ненцы наши, те, конечно, на своем говорят, но и по-русски тоже.

– Да откуда же ты такая взялась? – пришло время изумляться Шелестову. Он понял, что девочка читала книги, написанные по-русски, но про другие страны, и думала, что там так же разговаривают, как написано в книге.

– Я не взялась, я приехала с нашими мужиками. Мы из рыбацкого поселка. Мама просила купить ниток и иголок. Не ходит она у меня. Шьет она дома, люди покупают.

Погода разыгралась, и к полудню небо затянуло низкими угрюмыми тучами. Пошел дождь: тягучий, унылый. И сразу цветущая весенняя тундра стала серой, мрачной, неприглядной. Люди с улицы исчезли. Кто по домам, кто в чайную, где можно было перекусить и выпить не только чаю, но и чего покрепче. А Шелестов, познакомившись с рыбаками, с которыми приехала девочка, сидел на лавке в большом сарае, где вдоль стен стояли большие корзины и бочки со свежей рыбой.

Девочку звали Елизаветой, и она никак не соглашалась, чтобы ее звали просто по-детски Лизой. Ее отец утонул в море во время шторма. Мать болела и совсем перестала ходить. На этом закончилось детство маленькой Елизаветы и начались суровые будни в далеком рыбацком поселке, в котором надо было как-то выживать с больной матерью. Пришлось забыть об интернате, в котором она начинала учиться. Конечно, рыбаки понемногу помогали семье, но прожить на эту помощь было нельзя. И Елизавета работала в огороде, пытаясь вырастить все то, что могло расти на суровых берегах Припечерья: картошку, свеклу, капусту, морковь. А еще с малых лет девочка начала помогать в артели на сортировке рыбы, на разделке, на засолке.

Шелестов с Елизаветой сидели и слушали, как капли дождя барабанят по деревянной крыше. Максим аккуратно и ненавязчиво расспрашивал девочку о ее жизни, о том, что она видела и знает. В море можно редко увидеть другие рыболовецкие баркасы, но бывает, что и увидишь. Особенно когда налетевший ветер гонит суденышки по своей прихоти, а не как того хотят рыбаки. На островах часто видят чужих, когда те или баркасы ремонтируют, или сети чинят.

– Чужих? – девочка пожала плечами. – Чужих отродясь не видела. Ни в поселке, ни в море. Только рыбаков из других поселков. Хотя есть один в артели. Его на берегу подобрали. Выходили. Так теперь с рыбаками и ходит в море. Вот уж почитай года два.

– Да? – Шелестов насторожился. – А кто у вас тут приехал старший от вашей артели? Как бы мне с ним поговорить?

– Так Кузьмич, старшина наш, – девочка посмотрела на Шелестова. – Да вы видели его, дядя, с бородой такой, черной.

Участковый милиционер младший лейтенант Игнатов был мужиком тертым. Правда, за какие «заслуги» его заслали в эту безлюдную дыру аж из самого Архангельска, он не стал рассказывать. Невысокий, кряжистый с большим лобастым бритым черепом, он казался человеком недюжинной физической силы. А может, и не только физической. Жить здесь, в этой глуши, в поселке Манга, делать свое милиционерское дело без семьи, без друзей. Иметь в своем арсенале всего лишь старенький «ППШ» и «наган» да радиостанцию для связи с районным управлением и жить, и работать. Что входило в обязанности участкового? Да легче сказать, что не входило. Ведь он был, можно сказать, единственным доступным представителем советской власти в этих местах, на сотни километров тундры. Приходилось и мирить, и привлекать по закону, и просто уговаривать, используя почти безграничное уважение и доверие к себе ненцев и рыбаков. Было дело, и браки регистрировал, чаще констатировал смерть, разбирал бытовые и соседские споры, как заправский судья. Даже роды принимал. Сколько по тундре и побережью его крестников живет, он и не считал.

– Давай, Борис, по маленькой с устатку. – Участковый выставил на стол бутылку водки и принялся нарезать узкими кусочками вяленое мясо.

– Нам еще работать с тобой, – с сомнением ответил Коган.

– Они раньше утра сюда не доберутся, и не надейся. Успеем и нарезать с тобой, и проспаться, и головой посвежить.

Коган пожал плечами, улыбнулся и, поддернув рукав гимнастерки, полез рукой в банку с солеными огурцами. То, что хозяин выставил на стол бутылку «Московской», да еще со штемпелем какого-то архангельского райпо, говорило об уважении, и на это уважение нужно было отвечать. Иначе ни разговора, ни помощи не жди. А ведь мог и местного самогона поставить бутыл или какой-нибудь браги, от которой до утра животом будешь маяться.

– Ну, давай, за победу, чтобы эта проклятая война окончилась, чтобы красное наше знамя воцарилось над миром, а черная нечисть сдохла! – Игнатов поднял граненый стакан, стукнул его о край стакана Когана.

– Давай, – согласился Коган. – За победу!

Выпили, с шумом выдохнули и с большим удовольствием захрустели крепкими солеными огурчиками. По телу растекалось приятное тепло, в голове появилась легкость. Это действительно приятные моменты, когда после долгой тяжелой работы, физического и нервного напряжения можно вот так отвлечься, хватануть пятьдесят граммов хорошей водки и захрустеть огурчиком. И кажется, что весь мир остановился, замер в ожидании, пока ты придешь в себя, расслабишься, а утром... Утром, держись весь мир! Ну а пока вечер, есть водка, хороший собеседник и такие вот огурчики с вяленным мясом, папиросы и тишина за окном.

– Тяжело? – закуривая, переспросил Игнатов. – Тяжело. А кому сейчас легко? На то она и война, брат, что весь народ воюет. И не только те, кто на передовой. Это же сколько сил надо иметь, мужества нашим бабам, чтобы в одиночку без мужей детей растить, кормить и одевать. И о мужике своем еще печалиться: как он там, что с ним? Думаешь, я на фронт не просился? Ладно, это вообще отдельная песня...

Коган не стал расспрашивать. Не его это дело, да и для дела не важно, что и почему. Опытный следователь, Борис прекрасно видел, что перед ним настоящий мужик: сильный, решительный, преданный своему делу. И за Родину умрет без колебаний, если придется свою жизнь положить. Такие, как этот Игнатов, не юлят. Они прямо смотрят тебе в глаза и прямо говорят. За это, наверное, его и отправили сюда, поэтому он до сих пор и ходит в младших лейтенантах, хотя по возрасту и выслуге ему быть полагалось чуть ли не полковником. Не стал расспрашивать Коган своего собеседника о личном, не до того сейчас. Главное – дело, по которому он приехал сюда.

– А как у тебя тут с бандитами, с грабежами, Касьян Иванович. Шалит народишко, бывает такое? Ты, смотрю, один, хоть и при оружии, а ведь захоти – и убьют не моргнув глазом.

– Бывает, – хмуро кивнул Игнатов. – Плотность населения тут такая, что кричи не накричишься, из пушки стрелять можно, и никто не услышит, а слух по тундре идет быстро. Такая вот загадка природы. Молва народная, она как ветер проносится и где надо оседает. Правда, бывает, что и где не надо оседает тоже. Беломорканал построили, а лагеря-то и поселения остались. В конце тридцатых создали там вокруг канала Беломоро-Балтийский комбинат, чтобы, значит, осваивать территорию вокруг канала. А там леса непролазные, нога человека порой не ступала. Ну и заводы комбинату передали. А кроме колоний, там двадцать один спецпоселок, а в них сосланные на поселения и кулаки, и родственники изменников Родины, вредителей. Много всякого народа, тысяч тридцать, не меньше. И в лагерях Белбалтлага тысяч семьдесят-восемьдесят зэка.

– Зэка? – не понял Шелестов. – Что это такое?

– Расшифровывается просто, – невесело усмехнулся участковый. – Зэ-Ка – заключенный-каналоармеец. Придумал кто-то в верхах такое название, решил сознания добавить и добросовестности к труду у заключенных. Каналоармейцами их называли.

– Бегут? – коротко спросил Коган.

– Бывает, что и бегут. И зэки с предприятий и с поселений бегут. Да только меня стороной обходят, знают, что я церемониться не буду. Они ведь вне закона получают, часто кровушкой повязаны, конвойных убивают, милиционеров местных. Я за последний год выследил и собственноручно шлепнул двенадцать человек. Не один, конечно, местные мне активно помогают. Даже ненцы, но у них табу в человека стрелять. Боятся, но не стреляют. Смирные!

Последнее слово участковый бросил даже не со злобой, а с какой-то яростной болью. А Коган знал, слышал о том, что преступники, когда бегут, часто и в стойбища попадают, требуют, чтобы на оленьих упряжках их отвезли из этих мест подальше. Еду забирали, женщин насиловали. Искали их и находили. И милиция местная, и летучие отряды НКВД.

Когда бутылка стала заканчиваться, Коган начал расспрашивать и о более серьезных вещах.

– А что, Касьян Иванович, о немецких диверсантах или разведчиках ты тут слышал?

– Я о них еще двадцать третьего июня сорок первого года услышал, Борис Михалыч, – кивнул участковый, и его рука сжала огурец так, что из того сок брызнул. – С самолета возле шлюзов аж шестнадцать финских парашютистов высадились.

– А сейчас здесь диверсантов не видел?

– Нет, не видел. А что им тут делать в этой глуши? Ни стратегических объектов, ничего важного.

– Давно ты, видать, с руководством на связь не выходил, – усмехнулся Коган. – Ну, тогда я тебя просвещу по этому вопросу. Но ты понимаешь, что говорить об этом населению не следует, панику сеять нельзя. А обстоятельства таковы, что немецкие подводные лодки пытаются найти место для своей секретной базы в наших полярных водах. А это, сам понимаешь, угроза нашим кораблям на Севморпути, караванам, которые в порты идут от союзников. Да много чего они могут тут натворить!

– Ишь ты! – Глаза Игнатова сделались серьезными и абсолютно трезвыми. – Я так мыслю, что в этих безлюдных местах высаживай диверсантов хоть полками и иди взрывать и канал, и Кировскую дорогу, и что хочешь. Так?

– Так, Касьян Иванович.

– Значит, тот труп, что твои товарищи везут сюда... Может быть, и не наш?

– Может, Касьян Иванович, – снова подтвердил Коган.

Уставший Сосновский ввалился в дом участкового и сразу уселся на лавку у двери, где стояло ведро с чистой водой. Он, не глядя, нашарил рукой кружку, зачерпнул воды и стал жадно пить. Игнатьев, уже одетый, натянул сапоги, проходя мимо оперативника, похлопал его по плечу рукой и вышел на улицу к нартам, на которых лежало тело. Коган накинул на плечи фуфайку и сел на табуретку возле Сосновского.

– Виктор где? – коротко спросил он с тревогой в голосе.

– Там остался. Опрашивать оленеводов и рыбаков. Надо понять, кто был тот второй на нартах, который удрал. Да и вообще, опрос провести по горячим следам.

– Хорошо, Миша, ты отдохни пока. Скоро приедет Шелестов, тогда начнем все по правилам проводить, с протоколом. Поспи хоть часок. Выпить хочешь?

– Хочу, – еле шевеля губами, кивнул Сосновский. – Замерз как собака.

Осмотр и описание тела проводили по всем правилам, составив протокол и скрепив его подписями. В поселке не оказалось медика, местный фельдшер укатил куда-то к рыбакам, но причину смерти устанавливать смысла не было. В пояснительной записке к протоколу, составленной в форме рапорта, были тщательно описаны события, в результате которых погиб этот человек. Когда работу закончили, группа собралась в доме участкового. Игнатов заварил крепкий чай и налил всем. Он посмотрел на своих гостей, как те задумчиво грели ладони о жестяные кружки, и заговорил первым:

– Это что же получается, товарищи? Значит, немец у нас под носом ходит как у себя дома?

– Как видишь, не ходит, а лежит, – спокойно возразил Коган. – Смирно, как и положено врагу и оккупанту.

– Я понял вас, товарищ Игнатов, – перебил всех Шелестов. – Вас как участкового уполномоченного, как представителя советской власти, ответственного за порядок и борьбу с различной преступностью, этот факт беспокоит. Вы особенно страшных выводов не делайте, это случай единичный. Можно сказать, нам повезло столкнуться с немецким агентом на нашей территории. Сейчас важно понять другое: чего и сколько враг о нас знает, каких успехов он добился в поисках бухт, подходящих для базы подводных лодок.

– И второе, – Сосновский ткнул пальцем в сторону Когана. – Вон мы с Борисом обсуждали сегодня это. Насколько уже налажен поток диверсантов через наше Заполярье вглубь страны.

– Значит, это точно фашист? – на всякий случай уточнил Игнатов. – Будем считать, что это установлено точно? Тогда смотрите, какой расклад получается. Ненцы, конечно, не бойцы, в человека стрелять оленевода или рыбака ненецкого не заставишь. Но и послушно выполнять волю врага они не будут. Придут за помощью. Рация, говорите, там? Значит, дорожка к тому

берегу протоптана у них, и этот человек, что скрылся на нартах, был не туземец, не ненецкий оленевод. Скорее всего, тоже европеец, но в национальной одежде. Я так мыслю.

– Логично, – поддержал участкового Сосновский. – А если учесть, что всегда у всех разведчиков предусмотрен запасной канал связи, то я думаю, что кто-то передаст немцам о том, что тайник с рацией может быть засвечен. И что погиб диверсант или даже руководитель группы. Успокоить это нас не успокоит, а скорее, наоборот...

– Ну, если рассуждать так, как рассуждает Касьян Иванович и ты, Михаил, то получается, что немцы основательно занимаются поисками подходящей бухты и даже имеют своих людей на материке. Какого рода им нужна помощь, мы пока не знаем, для чего им активная агентура на берегу, мы тоже не знаем, но предполагать можно все самое серьезное. Поэтому слушайте приказ! И вы, Игнатов. Приказывать я вам не имею права, но получается так, что и вы временно становитесь членом нашей группы. Придется вам и свои обязанности выполнять, и нам помогать не менее активно. Без вас нам трудно справиться, вы тут царь, бог и отец. И все обо всем знаете. Так что вступайте в наши ряды.

– Это понятно, – кивнул участковый. – Работать будем вместе. Слушаю вас!

– Значит, так, активизировать опрос местного населения на предмет обнаружения диверсантов на берегу. Второе, всем членам группы иметь в виду во время оперативной работы, что в районе могут оказаться объекты, которыми могут интересоваться фашисты. Диверсионные акты я временно исключаю, но врагу нужна связь, средства передвижения, пища, лекарства. Вот где нам нужно проявлять максимум внимания. Сосновский, подключишься к Буторину, опросите оленеводов на всех стойбищах в пределах дневного перехода на оленях. Борис, на тебе летчики. Игнатов, вам поработать с русским населением, собрать максимум сведений о посторонних. Предупредите доверенных людей, чтобы вам сообщали обо всех подозрительных людях и событиях мгновенно. Насколько это возможно в данных условиях. А я отправляюсь на берег в рыбацкий поселок. Есть там одна примечательная личность.

Глава 3

Артельные уехали ночью, чтобы к утру быть дома. Шелестов не успел даже попрощаться с девочкой. Полдня он искал машину, пока, наконец, ему не указали на разбитую полуторку, которая шла через рыбацкий поселок. Найти в таких местах в такое время попутку было настоящим чудом, и Шелестов побежал к машине. Сговориться с немолодым водителем удалось быстро. В кабине сидела беременная женщина, поэтому попутчику пришлось лезть в кузов и устраиваться между фанерными ящиками. Четыре часа невыносимой тряски, и впереди показалось море. Водитель остановился, встал на подножку и крикнул Шелестову:

– До поселка не довезу, там дорога разбитая, а у меня резина вся изношенная. Я тебя, землячок, высажу на повороте у горбатого камня, а там уж дойдешь. Километров пять, не больше. Его сверху и видать, поселок-то. Не заблудишься.

Выбирать не приходилось. Застывший в кузове оперативник неуклюже выбрался из кузова, махнул рукой водителю и закурил. Поселок виднелся вдалеке внизу у самого берега. Дороги к нему в прямом смысле слова не было. Просто накатанная несколькими машинами колея вилась между камнями. За сезон тут проехали машины четыре и не больше. Видать, морем грузы возились и в поселок, и из него чаще. Шелестов на таком расстоянии насчитал домов тридцать. Бросив окурок, он зашагал вперед. У берега лодок не было, значит, все в море. Ну, ничего, пока он дойдет, пока расспросит, глядишь, и артель к берегу вернется с уловом.

Поселок не встретил его лаем собак, детским гомоном и приветливыми голосами хозяек, кивавшими из-за заборов своих домов. Поселок как будто вымер. И если бы не ухоженные дворы, не белье, трепавшееся на ветру, то можно было бы подумать, что здесь никто и не живет. С берега пахло рыбой и горячей смолой. Поправив за плечами вещмешок, в котором лягнул о консервные банки сложенный автомат, Шелестов пошел вдоль домов. Стучать в окна он не хотел, а во дворах никого не было. И тогда он решил спуститься к берегу. И тут ему повезло увидеть старика с седой бородой и в высоких болотных сапогах, который смолил днище большой перевернутой лодки.

Старый рыбак заканчивал работу, когда к нему подошел незнакомец. Шелестов поздоровался, спросил про старшину артели Кузьмича и предложил покурить «своих». Старик смотрел приветливо, видать, не ждал беды от гостя. Да и вообще народ на Севере, как понял Максим, был приветливым, беззлобным. Жизнь тяжелая, все друг другу помогали как могли, а эта взаимопомощь помогала выживать всем. Она и спланивала, и делала рыбаков человеколюбивыми. Старик с уважением покрутил в пальцах папиросу из коробки, которую ему протянул Шелестов. Прикурили на ветру от одной спички и уселись на старых сетях, брошенных на камни.

– Ты, мил человек, по какому делу к старшине нашему? – поинтересовался старик. – По личному или по государственному?

– А что, Кузьмич у вас уполномочен в поселке и по государственным делам? – улыбнулся Шелестов.

– Уважают у нас его, – кивнул рыбак. – В обиду сироту не даст, в любом споре найдет золотую серединку. Да и по хозяйству понимает. Мы же живем одной семьей здесь. Зима наступит, так, почитай, полгода ни нам выбраться нельзя, ни к нам доехать. Сообща живем, коммуной!

– По государственному, отец, по государственному, – заверил Максим, пряча улыбку и затягиваясь папиросой. – Надо же ему рассказать, как война идет, а то народ ведь спрашивает Кузьмича! Какие задачи государство и коммунистическая партия ставят перед народом и его руководителями, перед такими вот, как ваш Кузьмич.

– Это правильно, там понимают в Москве, – снова кивнул старик. – А как ты сам-то считаешь, мил человек, скоро война-то кончится али как? Что же это: наша армия так слаба или враг силен? Мы ж вроде всегда немца били, а до того и француза били.

– Трудно сказать, отец, когда война окончится. – Шелестов стал серьезным. – Армия наша не слаба, ты не переживай. Сильнее нашей армии во всем мире нет. Все страны в Европе оружие сложили, все покорились Гитлеру, одни мы сражаемся. И ведь ладно бы покорились, сдались, так они вместе с фашистом на нас идут. В том и сложность, отец, что мы против всей Европы воюем. А все потому, что никому не хочется, чтобы наша страна была сильной. Боятся нашей силы во всем мире, отец. Только не простые люди боятся, а их президенты и банкиры. Им бы нас на куски порвать и по карманам рассовать. Ведь богатая наша Родина, отец, очень богата ресурсами. Завидуют нам, знают, что, подними мы голову, и тогда во всем мире начнут верить в доброе, в честность. Боятся западные правители, что их народ захочет с нашим дружить. Вот и настраивают против нас с малых лет своих детей. Так-то. Непросто этот мир устроен. Долго нам еще драться. Но что нам Гитлер, одолеем его! Придет время – и одолеем. Он уже не так силен, как два года назад. Самое тяжелое потом будет – страну восстанавливать, мир восстанавливать.

Баркасы стали возвращаться к вечеру. Хотя летний полярный день мало чем отличался от дня обычного. Солнце опускалось к горизонту и, так и не зайдя за него, снова поднималось утром. Кузьмич, выставив вперед свою черную с проседью бороду, привычно распоряжался на берегу. Работа закипела. На берег сносили рыбу, растягивали для просушки и починки сети. Шелестов терпеливо ждал, когда рыбаки потянутся к домам ужинать и отдыхать. Женщинам же почти весь вечер и ночь разбираться с рыбой. Какую солить, какую на ледник⁵ спускать.

– Вон как! – Кузьмич покачал головой, осторожно, с уважением возвращая Шелестову удостоверение личности. – Из Москвы аж?

– Из Москвы, – кивнул Максим. – Не успел с вами вчера поговорить, вот пришлось догонять. А мне о вас много Елизавета рассказывала. Славная девочка, работающая.

– Лизавета? Ну, это личность у нас известная. Всем мужикам пример, не то что бабам. Серьезная не по годам. Мы уж стараемся помогать ей. Так что за дело-то у вас ко мне?

Они сидели за столом из струганых, тщательно высокобленных досок у самой печки. В топке уютно потрескивал огонь, у плиты суетилась жена, за окном в вечерней тишине где-то покрикивал сосед, стучали топоры. Жизнь текла в этой глуши своим чередом, как будет течь еще долго и после войны. На столе появилась бутылка мутного картофельного самогона, горшок с вареной картошкой, жареная рыба, темный хлеб, нарезанный ломтями рукой самого хозяина.

– Дело такое, – выпив по стаканчику, мужчины начали серьезный разговор. – Ты, Кузьмич, тут голова, старшина, как тебя величают. Вот я тебе и приехал рассказать, чего тебе опасаться, куда поглядывать и о чем беспокоиться.

Рыбак солидно кивнул, с пониманием свел сурово брови и потянулся налить еще по стаканчику. Шелестову понравилось, что Кузьмич не испугался, не насторожился, а воспринял такое начало разговора с московским гостем как само собой разумеющееся. Из Москвы так просто не приедут. Тут дело важное!

– Корабли ходят по северным морям от Мурманска до самого Владивостока, на другой конец страны, – продолжал Максим. – А еще к нам везут помощь наши союзники по борьбе с фашистами. Оружие везут, военную технику, лекарства для армии, машины. Так вот немцы охотятся за такими кораблями, норовят потопить. Вот и хочу предупредить, Кузьмич, тебя и твоих рыбаков. Немцы хотят в скалах на берегу или на островах найти укромное место,

⁵ Погреба, в которые по весне закладывают лед, вырубаемый на реках. До зимы в таких погребах удается выдерживать низкую температуру.

где устроят базу для своих подводных лодок. Ходить из Германии каждый раз сюда опасно, многие подводные лодки топят наши корабли, да и переход долгий опасный в этих морях. Вот и хотят они устроить базу, где могут отдыхать, ремонтироваться, заправляться. А заодно, если потребуется, высаживать в этих безлюдных местах своих разведчиков и диверсантов, которые потом будут пробираться к обжитым местам, к заводам и дорогам.

– Ишь ты, хитро удумали, – согласился рыбак. – Ежели наши корабли прижмут, так они не к себе станут прорываться, а нырнут в скалы, меж островами да в бухтах затаятся, где все готово для них! Вон как!

Максим стал расспрашивать, не видели ли рыбаки в море чужих судов, может, именно подводную лодку видели. Не приходилось ли им встречать чужаков, незнакомых людей. И тут Кузьмич с усмешкой посмотрел на собеседника.

– Так такой вот чужак у меня в артели в море ходит, рыбу с нами ловит.

– Слышал про чужака, – заявил Шелестов. – Елизавета говорила. Расскажи, что за чужак.

– Нашли мы его на берегу позапрошлым летом. Лежал, мокрый. Ясно, что из воды выполз. Видать, с какого-то корабля или лодки. Беда. Думали мертвый, а он живой, ну мы его подобрали, в сухое переодели, согрели. Горячим чаем отпаивали. Думали, не выживет, а у него организм сильный оказался, покашлял, конечно, но выжил. Беда только, память человек потерял. Не помнит ничего: ни кто он, ни откуда. Имени своего и то не помнит. А как оправился, мы его в артель к себе взяли. Оказалось, что море знает человек хорошо, привычное оно ему. Так и прижился. Мы его Матвеем стали звать.

Утром на берегу Кузьмич подошел к высокому немолодому мужчине в клеенчатой брезентовой куртке. Взяв его за локоть, старшина стал что-то говорить. Мужчина слушал его, опустив голову, потом обернулся и посмотрел в сторону Шелестова, сидевшего на перевернутой лодке. Кузьмич еще что-то строго добавил и ушел по своим делам. Высокий рыбак постоял, опустив голову, о чем-то глубоко задумавшись, потом не спеша двинулся в сторону Шелестова.

– Вы хотели со мной поговорить?

– Да, хотел, – Шелестов похлопал ладонью по днищу лодки рядом с собой. – Садитесь. Вас Матвеем зовут?

– Да, так зовут, – сдержанно ответил рыбак и, прищурившись, стал смотреть на море. – Точнее, так в артели меня зовут.

– А настоящее ваше имя?

– Не помню, – спокойным ровным голосом ответил Матвей. И, помолчав, спросил: – Почему вы меня расспрашиваете? Вы из милиции или НКВД?

– Ага, значит, что такое милиция и НКВД, вы помните, – усмехнулся Шелестов.

– Узнал после того, как меня подобрали и вернули к жизни местные. Из прошлого я ничего не помню.

Максим смотрел на этого человека, на его остроносый строгий профиль и никак не мог избавиться от мысли, что этот человек из другого мира. И говор у него не рыбацкий, не мужицкий. На вид Матвею лет пятьдесят, хотя обветренное лицо, постоянное пребывание на море тоже не способствуют чистоте кожи. Но по разговору как минимум он человек городской, с образованием. Кузьмич рассказывал, что он море знает, приметы различные морские. Бывший моряк, но руки у него без наколок, а простые моряки любят колоть себе всякие символы, гордятся ими. «Надо узнать, – решил Шелестов, – не пропадал ли позапрошлым летом сотрудник какой-нибудь дрейфующей полярной станции или моряк с полярного судна. Подозревать в нем немецкого агента, таким вот хитроумным способом легализовавшегося здесь летом сорок первого года, как раз перед началом войны, наверное, глупо. Что ему тут делать, что разведывать и что при случае он может взорвать? Склад с рыбой вот у этой артели? И живет он тут безвылазно почти два года. Поведение для разведчика странное.

Может, он связник, может, радист? Такой вот, к которому может по ночам приезжать диверсант, а этот передает сведения, и рация у него здесь, возможно, имеется. Диверсант, резидент, как тот, например, которого убили Сосновский с Буториным. Нет, глупо, неправильно, нелогично. Пустышка? Но личность странная. А если что-то готовится, например, диверсия на канале или на железной дороге, и таких вот Матвеев живет в соседних поселках человек десять или двадцать? И в нужный час они соберутся и рванут чего-нибудь? Два года держать агента, чтобы планировать что-то такое, после чего он рассекретится? Нет, так не делается. Для этого забрасывается в нужное время и в нужное место подготовленная группа, и она делает свое дело».

– Рыбаки думают, что вы в прошлом моряк, – сказал Шелестов, внимательно наблюдая за реакцией Матвея. – У вас хорошие навыки, знание моря.

– Может быть, – пожав плечами, спокойно сказал собеседник. – Не помню.

– И семью свою не помните? – Этот вопрос Шелестов задал быстро, резко.

И тут что-то изменилось в лице Матвея. То ли веко чуть дернулось, то ли волной судорога прошла по скуле. Доля секунды, а потом снова спокойное, равнодушно-задумчивое лицо. Снова неопределенное пожатие плечами. Врет или это у него в подсознании что-то сработало. Потерял память, так, может быть, она постепенно возвращается, может быть, какие-то ее проблески начинаются? «Чужая душа потемки, а уж чужая голова и подавно, – подумал Максим. – Ничего я так не узнаю от него. Не вопросы задавать ему нужно, а проверять его реакции, его знания. Хотя зачем все это? Яснее ясного, что он не фашистский агент. Просто у человека беда, а какая, он и сам не помнит. Или не хочет помнить».

– Не помню, – наконец ответил Матвей, – не могу я помнить, я же мертвый.

– Вам иголку в руку воткнуть? – разозлился Максим. – Или ножом по пальцу провести, чтобы вы свою кровь увидели. Живую.

– Тело может жить, тело спасли рыбаки, вот оно и живет, – равнодушно, бесцветным голосом отозвался мужчина. – Работает, ест, спит, а человека нет. Умер он.

Разгадывать загадки этого человека Шелестову не хотелось. Ясно, что после потери памяти у него начались проблемы с психикой. Все объяснимо, но расспрашивать его, видимо, бесполезно. Тем более что сегодня Максима ждала работа. Старшина артели обещал взять его с собой для осмотра одного из островов, который расположен в нескольких километрах от берега. Но после этого разговора и непонятных намеков Шелестов решил, что Матвея одного он на берегу не оставит. Пусть идет с ним на остров. Кто знает, что с его странной памятью? Потерял или не потерял. А если в бега подастся? Конечно, по тундре далеко не убежишь и не особенно спрячешься, если скал нет поблизости, а вот морем Матвей запросто может уйти. Ведь говорят рыбаки, что он, по всей видимости, хороший моряк.

Через два часа баркас отчалил от берега и на парусах пошел на северо-восток. Шелестов сидел на корме, одетый, как и все, в брезентовый костюм, то и дело смахивая соленые брызги с лица. Матвей с двумя рыбаками помогал Кузьмичу с парусом, а тот правил, посматривая то на низкое солнце, то на береговую линию. Шелестов смотрел, как уверенно действует Матвей, как он и другие рыбаки понимают друг друга почти без слов.

– Хороший моряк, – сказал Максим Кузьмичу и кивнул на Матвея. – А он хоть знает, понимает, что не первый год война идет?

– Знает, сказали мы ему, – ответил старшина.

– И как он отреагировал? Удивился, испугался?

– Нет, не испугался, – подумав, ответил Кузьмич. – Просто спросил, с кем война, с Германией. Видать, что-то в его мозгу там теплится, какие-то воспоминания.

– Может, и так, – задумчиво ответил Максим и стал смотреть вперед, на приближающийся остров.

Он снова стал думать об этом Матвее. «Неужели так бывает, что человек ничего не помнит? Может, и бывает. Вот так просто взял Матвей и заточил себя на этом берегу, ходит второй год с рыбаками в море и ничего не хочет, не помнит из прошлой жизни. Но ведь были же у него какие-то потребности, более яркие в прошлой жизни, ведь по всему видно, что он не из рыбаков и не из рабочих, не из колхозников. Или ему так удобнее прятаться здесь. Прятаться? Тогда от кого, зачем?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.